

ВЛАДИМИР ПРОНСКИЙ



ХОЖАЛКА

РАССКАЗ

Непросто бывает не только обездоленным людям, но и тем, кто оказывается рядом с ними. Что это так, Вера Чумакова давно поняла: восьмой год работает в социальной службе. За это время она избегалась, исхудала, стала резкой, научилась ехидничать, особенно когда кто-то нелестно отзывался о её работе. “Кто ты есть, чтобы обсуждать мои дела?!” — спрашивала она у любопытствующего и так прожигала из-под рыжей чёлки раскосыми глазами, что у любого сразу пропадала охота к новым вопросам. Или припустится бежать, а куда, зачем — неизвестно. Идёт-идёт и вдруг, как стальная, — помчалась. За это её и звали Вера Чума.

Все эти годы Вера закупала продукты для подопечных, если надо, прибиралась у них и со всеми находила общий язык. Лишь однажды случился конфликт, когда одинокий старичок подарил шоколадку. Подношения запрещено было принимать, она никогда и не брала ни у кого подарков, а в тот раз слабинку дала, да и как отказать ради Христа. Принесла Вера шоколадку домой, а отломить и дольки не смогла — стала бы поперёк горла. Отдала шоколадку соседскому мальчишке, а в следующий раз отказалась от нового подношения. Дедуля же пожаловался в управление соцзащиты: мол, шоколадок нынешним хожалкам мало, они ждут конвертик с деньгами... Веру хотели уволить, а она и не сопротивлялась: “Увольняйте, тужить не бу-

ПРОНСКИЙ Владимир Дмитриевич родился в городе Пронск Рязанской области в 1949 году. Работал токарем, водителем, корреспондентом, редактором. Автор романа-трилогии “Провинция слёз”, романов “Племя сирот”, “Три круга любви”, нескольких книг повестей и рассказов. Публиковался в журналах “Молодая гвардия”, “Москва”, “Наш современник” и других. Лауреат премии имени А. С. Пушкина, Международной литературной премии имени Андрея Платонова. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

ду. Я тоже человек, а не тряпка тёрханая, чтобы об меня ноги вытирали!” Но её не уволили — заступились другие подопечные. В их числе оказалась Аня Федоткина. Вера и раньше к ней испытывала симпатию, но после того случая она стала ей, как родная сестра, которой у Веры не было.

У них и судьбы были схожие, построенные на несчастье, потому что обе рано остались без родителей. И если Аня — инвалид с детства, то Вера внешне вполне здорова, но в душу лучше не заглядывать. Изранена она у неё, пугливая, постоянно плачущая — даже Ане не понять. Только одна общая заноза — отсутствие детей — уравнивает их. И если Вера давно смирилась со своей долей, то Аня пока в боевом настроении. Она даже журит хожалку, когда та совсем раскисает. Особенно осмелела, побывав на нескольких репетициях в студии реабилитационного центра, готовясь к концерту. Сперва-то Аня и слышать не хотела о выступлении. Тем более что и священник Лука отговаривал; он частенько приходил к Ане в праздники с молитвой и подарками и весьма одобрительно отзывался о её увлечении вышиванием, считая, что это самое подходящее для неё занятие. Хотя пальцы у Ани не особенно ловкие, зато хватает упорства. Сперва она вышивала салфетки, платки, а потом льняное платье украсила цветными узорами с использованным полутоном, расписала платье красными вензелями и диковинными изумрудными птицами. Да так выразительно получилось, что платье возили на областную выставку народного творчества, где её работа заняла первое место. А в последний день выставки платье даже продали. С Аниного согласия, конечно. Когда привезли кругленькую сумму, Аня позвонила Вере и расплакалась, потому что это был её первый в жизни заработок, и она не знала, что с ним делать.

— Не тужи — мы найдём деньгам применение! — рассмеялась Вера и посерьёзнала:

— Купим несколько таких же платьев, на год-два работы хватит. А то в последнее время тебе неизвестно что на ум приходит, думаешь о том, о чём нельзя.

Аня тогда никак не отреагировала на последние слова, хотя обида осталась. Да и как не остаться, если в последнее время она всё серьёзнее мечтала о муже. Ведь это так прекрасно — быть замужем! По фильмам Аня подробно знала, что происходит между влюблёнными, о чём они говорят, но в её положении оставалось лишь завидовать.

После успеха на выставке ей позвонили из реабилитационного центра и предложили заниматься в танцевальной студии, чтобы со временем подготовить парный танцевальный номер.

— А разве такое возможно? Это совершенно нереально! — изумилась Аня и бросила трубку, решив, что над ней кто-то зло пошутил.

Ей перезвонили и убедили-таки попробовать, а если действительно не получится, тогда и настаивать не будут.

— А вдруг удача придёт! — убеждал грубый женский голос. — Вы теперь лауреат, и самое время увеличить диапазон своего таланта! Звезду из вас сделаем! С соцзащитой мы договорились, и работница будет сопровождать на репетиции.

— Кто тот человек, с которым мне предстоит репетиция?

— Такой же, как вы... У нас несколько подобных пар. В нашей стране нет обездоленных людей! Каждый может найти занятие или увлечение по своим возможностям! — сердитая женщина говорила так напористо, что трудно было вставить слово, чтобы возразить или спросить о чём-то.

— Можно попробовать... — только и вздохнула Аня.

— Вот и хорошо! Завтра позвоню, зовут меня Маргарита Иосифовна, я руководитель студии. Пожалуйста, будьте готовы после обеда отправиться на первую репетицию. За вами придёт специальный автобус.

И действительно, на следующий день в назначенный час появился хмурый седоусый водитель, подстриженный пугающе коротко, и забрал Аню, поехавшую без головного убора, — боялась помять шапочкой белокурую причёску, освобождённую перед самой поездкой Верой от бигуди. В автобусе уже находился человек на коляске. Как выяснилось, тот самый, с кем Ане предстояло репетировать. Её познакомили с ним, звали его Алексеем. Необы-

чайно смущаясь, она коснулась его руки; какое же это, оказывается, чудо — чувствовать сильную мужскую руку.

У реабилитационного центра водители и Вера помогли Ане выбраться из автобуса, подняться по пандусу на входе в центр и далее — доехать до репетиционного зала; Алексей же сам ловко управлял своей коляской.

На репетиции у них сперва ничего не клеилось. Они потели, краснели, слушая подсказки, и старались кружиться в такт музыке. Как же это тяжело, хотя начали с самых простых движений, и даже стыдно быть такой неуклюжей и перед высокой стройной девушкой-хореографом, гибкой и подвижной, как стрекоза, и перед Алексеем, и перед стремительно мелькавшей миниатюрной Маргаритой Иосифовной. И это было только началом.

Почти всю зиму Аня занималась в танцевальной студии, даже вышивку забросила, и теперь без репетиций не могла жить. Стала ездить на них, как на любимую работу.

Вот и сегодня вновь собралась и ждала Веру. А та пришла хмурая и молчаливая, словно таскаться на репетиции ей стало тяжелее тяжкого. И Аня не удержалась, упрекнула:

— Ну, и чего губы развесила?!

— Ничего и не развесила! — Вера в этот момент постаралась не хмуриться.

Аня же, заметив настроение хожалки, сменила тему разговора:

— Вот то-то же! Нам всего-то по сорок! Вполне можем ещё семью создать!

— Ты всё о том же... Я уж была там... Семь лет муж помучился и бросил. И правильно сделал, не осуждаю. Это мне наказание за то, что в девках за парнями собачонкой носилась. Жалко только, что родители внуков не дождались.

— Что было, то прошло. Я бы на твоём месте ещё сто раз замуж вышла!

— Опять упрёки слушать?!

— Если не хочешь замуж, то в наше время ребёнка можно искусственно сотворить.

— Деньги большие нужны! Думаешь, много я зарабатываю?

— Но я слышала по телевизору, что теперь такие операции будут делать бесплатно.

— Ладно, потом поговорим... В чём поедешь-то?

— Даже до конца не выслушаешь... В розовой кофте и серой юбке!

— Хотя бы раз концертное платье надела, для чего тебе его сшили? Оно ведь длинное — надо привыкнуть.

— Привыкнута на генеральной репетиции, а то в автобусе могу испачкаться!

Накануне генеральной они репетировали дольше обычного. Когда же приехали домой, Вера закатила Аню в квартиру, помогла раздеться, усадила в ванной на табуретке и начала купать — уставшую, но не умолкавшую ни на минутку; со стороны посмотреть — непонятно, чему она так радуется.

После закутала Аню в халат, помогла перебраться в кухню, усадила за стол. Заварив чай, разлила по чашкам и подвинула к Ане вазу с конфетами и печеньем. Но та и не посмотрела на сладости, неожиданно спросила:

— А как у тебя было в первый раз?

— Что “в первый раз”?!

— Ну, с мужчиной... — уточнила Аня и покраснела.

— Не помню...

— Не обманывай. Замужем долго была, да и теперь Николай похаживает...

— Похаживал... Два месяца потаскался после развода, а потом помоложе нашёл. Так что завидовать нечему! — грубовато фыркнула Вера.

— А я Алексею нравлюсь... — неожиданно похвасталась Аня. — Он так смотрит на меня!

— Брюнетам всегда блондинки нравятся... Зря ты о нём думаешь! Духу с места стронешь, потом и сама не рада будешь.

— Ну, как всё-таки?!

— Никак... Не хочу об этом говорить. Пей чай и перебирайся на кровать — отдохни, бледная вся!

Аня промолчала, и Вера поняла, что она заразилась тем самым состоянием, от которого отговаривала её в последнее время. Теперь так и будет цепляться. Поэтому, быстренько перебив чашки, Вера собралась домой и от порога напомнила:

— Дверь я запру, а завтра в обед жди. Чего из продуктов-то принести?

— Сама знаешь... — сердито ответила Аня и закрыла глаза.

— А ты поспи хорошенько, а то завтра генеральная репетиция!

Аня даже не отозвалась.

— Вот до чего танцы доводят! — лягнула Вера велух и хотела добавить: “Так ведь можно и свихнуться!”, — но вовремя замолчала.

А на улице уже думала по-иному: “Всё-таки надо ей кого-нибудь найти. Это только кажется, что они беспомощные и ничего не умеют! Ведь как завистливо упрекнула Николаем! Не надо было ничего ей рассказывать!”

Когда Вера ушла, Аня пожалела, что грубо обошлась с хожалкой. Хотя и она хороша — даже выслушать не могла. Ей ведь это ничего не стоило. А кому теперь рассказать, что творится на душе? “Жаль, что не умею сочинять стихи, а то сердечное стихотворение написала бы!” — мечтала Аня, чувствуя, как подкатывают слёзы, и сердце почему-то сжимается, да так сильно, что уж и воздуха не хватает. Поэтому гнала мысли об Алексее, но он вспоминался сам собой: чёрные волосы аккуратно подстрижены, а карие глаза такие глубокие, что в них можно утонуть. И ещё вспоминала его сильные, цепкие руки. На первых репетициях она очень боялась упасть, начиная кружиться под звуки вальса, но потом поняла, что с Алексеем ей ничего не страшно. И это прибавляло уверенности, и всё чаще слышалась похвала. “Молодец!” — словно школьнице, говорила хореограф, и это очень нравилось Ане.

Она и сама чувствовала, что у неё стало получаться. Постепенно выучила танец до автоматизма. Несколько раз репетировала на сцене, ставшей теперь привычным местом. И к Алексею привыкла, и к Вере, сидящей в зале, даже к электрику в смешном оранжевом комбинезоне, что-то постоянно чинившему за кулисами.

С утра Аня разложила на диване концертное платье, решила ещё раз проверить швы — вдруг где-то разошлись! Темно-лиловое, разукрашенное блёстками, шёлковое платье радовало нарядностью, оно, словно живое, выскальзывало из рук. Аня даже представила со стороны, как будет выглядеть в нём... А что будет потом, даже страшилась подумать. Главное — слушать музыку и следить за Алёшей, чтобы не пропустить ни одного его движения и не испортить впечатления, чтобы о ней не могли сказать: “Ну, что с неё взять...”

Она бы долго утонула в мечтах и размышлениях, но громыхание ключа в двери заставило её отвлечься.

— Ну, что, звезда, готова к генеральной? — грубовато и слегка насмешливо спросила Вера.

— Готова вроде бы... Только сильно переживаю!

— Это и хорошо, что переживаешь, — значит, не чурка бесчувственная. Давай-ка помаленьку собираться.

Собирались они долго, а вечно ворчащего водителя попросили приехать пораньше, потому что Аня хотела переодеться в концертное платье самой первой, чтобы привыкнуть к нему и побороть стеснение. Хотя оно и без того явилось, когда они прибыли в центр. Ей показалось, что все почему-то смотрят на них с Алексеем, представшим в чёрном костюме с бабочкой, но главное — с какой-то женщиной.

Когда готовились за кулисами к выступлению, Алексей подъехал к Ане, поцеловал в щёку и сказал:

— Не волнуйся, всё хорошо будет!

Она машинально кивнула, совсем не думая о его словах, чувствуя, как горит щека от поцелуя; к этому месту хотелось приложить ладонь и остудить. От растерянности она даже закрыла глаза и почувствовала, как кто-то коснулся её плеча. Веки распахнула — рядом опирается на трость спутница Алёши.

— Не переживайте, всё получится! — негромко сказала она.

— Вы — кто? — спросила Аня, замирая от недоброго предчувствия и понимая, что это женщина неспроста появилась за кулисами.

Подъехавший Алексей словно читал её мысли:

— Анна, познакомьтесь, — это моя супруга Светлана!

Аня почтительно кивнула и увидела на правой руке Алексея обручальное кольцо, хотя прежде его никогда не было! От страшных слов, от обручального кольца — от всего, что сейчас произошло, — сразу разрушились все мечты, словно и не было их никогда, а если и приходили, то к какой-то другой Анне. Она почувствовала, что ей не хватает воздуха, и голова вдруг куда-то поплыла...

Когда её привели в чувство, она посмотрела савельими глазами вокруг себя и вновь безвольно откинулась.

— Что с Федоткиной произошло? Что, я вас спрашиваю?! — прокуреным голосом испуганно и зло скрипела Маргарита Иосифовна, всегда заботливая, но в тот момент на себя не похожая и сильнее обычного напоминавшая высохший стручок.

— Ей домой надо! — твёрдо сказала Вера. — Выдохлась она, разве не видно!

— Врача ей надо, а не домой! Пусть приведёт в чувство — и на сцену. Не для того мы с ней полгода возились, чтобы сценарий ломать!

То ли от этих слов, то ли сама по себе, но Аня открыла глаза, хотя по-прежнему стараясь смотреть на окружающих её людей, и о чём бы её ни спрашивали — на всё отвечала молчанием. Она и в автобусе молчала, лишь перед домом толкнула Веру:

— Где Алексей?

— На репетиции остался... Будет выступать со своей старой композицией. Ты-то — как барышня кисейная расклеилась... Не переживай. Это и к лучшему. Нужны тебе эти трали-вали. Правильно ведь говорил Лука! — отрывисто и даже сердито выговаривала Вера.

И Аня обиделась на неё.

Когда сердитый водитель помог Вере переместить Аню в квартиру, она как была в концертном платье, так и бухнулась на кровать.

— Отъездились, что ли?! — радостно спросил водитель и впервые за всё время улыбнулся.

— Всё-всё — отъездились... Будьте счастливы и проваливайте! — шугнула его Вера и забыла о нём, подседа к Ане. — Сейчас-то хоть скажешь, что случилось? — спросила она и посмотрела ей в глаза.

Аня ответила не сразу. Наревевшись, вдруг отчётливо пожаловалась:

— Алексей — женатый...

Вера чуть не рассмеялась, думая до этого трагического для Ани откровения, что с ней произошло что-то серьёзное, а тут такое...

— А ты чего же, планы на него строила, губы от счастья раскатала?

— Не твоё дело, уходи!

Вера продолжала сидеть, а Аня повторила:

— Уходи и никогда больше не приходи ко мне. Без тебя обойдусь! Ты — злая Чума!

Если бы Аня сказала озлобленно, то Вера поверила бы ей, а то пропихала, как всегда. В любом случае Вера не должна была обижаться на подопечную, но разве скажешь себе: “Не обращай внимания — какой спрос с больной!” За долгие годы Вера хорошо изучила её и очень правильно поняла нелестные слова, от которых всё-таки сделалось горько и обидно. Даже не верилось, что Аня могла сказать такое. Неужели надуманные любовные фантазии так повлияли на неё, что она решилась обидеть самого, может быть, дорогого ей человека, потому что близких родственников у неё не было, а дальние не хотели с ней знаться. Поэтому Вера и стала ей почти родной. И обе это знали, но теперь Аня всё перечеркнула. Неужели такое возможно? Ведь никто и никогда не будет с ней так возиться! Другие хозяйки с утра разнесут продукты, в квартире, если нужно, приберутся — и нет их. А Вера и в выходные пропадала у Ани. Увидит в программе интересный фильм — и к ней отправляется. Прибежит пораньше, чтобы еду приготовить, постирать. Иногда и заночует у неё. А теперь, значит, стала “злая”! Но самое обидное, что Чумой обозвала!

— Ну, спасибо, Анна Сергеевна! — попыталась усмехнуться Вера.

Хотя она оделась внешне спокойно, но пока шла домой — ноги подкашивались. “Завтра попрошу, чтобы освободили от этой нахалки, — решила она. — Или вообще уйду из соцзащиты! Давно зовут работать в детсад. После педучилища работала же в яслях воспитателем, и ничего — справлялась, и никто Чумой не обзывал!”

Дома Вера хотела заняться ужином, но не было сил стоять у плиты — лишь попила чаю с печеньем и прилегла на диван. Ведь, что ни говори, тоже сегодня замучилась с этой генеральной репетицией — весь день на побегушках! Вера чувствовала, как окутывает её лёгкая и приятная дрема, и, засыпая, вновь подумала об Ане: “Поживи одна денёк-другой! Сразу по-другому запоёшь. А то набаловалась, лауреатка, все должны вокруг тебя юлой вертеться!”

Вера всё-таки заснула по-настоящему, а проснулась от телефонного звонка. Звонил отец Лука. Даже перепугал, потому что за окном уже по-настоящему стемнело.

— Вера Петровна, срочно приезжайте к Анечке, её надо сопроводить в больницу...

У Веры от слов Луки дух перехватило, сразу вспомнила, что стгоряча забыла закрыть Анину квартиру... Видно, что-то случилось серьёзное. Не помня себя, оделась, выскочила на улицу, а когда в пути встретилась со “скорой”, мелькнула мысль: “Неужели это её повезли?!” К дому подбежала и увидела полицейскую машину, священника, нескольких соседей.

— Что с Аней? — спросила Вера у Луки, казавшегося в высокой шапочке ещё выше.

— Кажется, отравление... Она недавно позвонила, сказала, что ей очень плохо, и просила приехать. И ничего не объяснила. Я в квартиру вошёл, а она без сознания на полу лежит и какие-то таблетки рядом рассыпаны... Вызвал “скорую”, полицию...

К ним подошёл скуластый, чернобровый лейтенант в маловатой форменной куртке и спросил:

— Вы кто будете потерпевшей?

— Хожалка... — И поправилась: — Социальный работник, навещаю Аню. Что с ней?

— Хотела счёты с жизнью свести!

— Какие у неё счёты — как ангел живёт!

— Значит, кто-то довёл. Следствие разберётся... Ключи у вас есть от квартиры?

— Имеются...

— Тогда пройдёмте! Надо выключить электроприборы и запереть дверь, а я её опечатаю. А вас потом доставлю в отделение, чтобы взять объяснение.

— Да какое объяснение... Я от неё час назад ушла — всё нормально было.

— Значит, не очень нормально... Вот поэтому ваше объяснение потом сравним с объяснением потерпевшей, если, конечно, она выживет...

— Что вы наговариваете-то?!

Лейтенант пригласил в квартиру Веру и соседок Ани как свидетелей.

— Холодильник тоже отключите! — сказал полицейский.

— Продукты ведь испортятся! — изумилась Вера.

— Вынесите на балкон...

Когда Вера вынесла содержимое холодильника, то увидела телефон.

— Тогда хотя бы мобильник ей отвезу!

— Пусть всё остаётся на своих местах!

Всё Вера исполнила, как велел лейтенант, а когда он опечатал дверь, они поехали в отделение. Вера только и успела поблагодарить Луку за звонок. В отделении она составила подробное объяснение, прочитав которое, полицейский заулыбался:

— Неужели от несчастной любви это натворила?

— От чего же ещё, прости Господи!

— Тогда ни вам, ни нам и заморачиваться нечего... Езжайте домой.

Вместо дома, остановив такси, Вера помчалась в больницу. В приёмном

отделении узнала у дежурной сотрудницы, важно восседавшей у телефона, поступала ли Анна Федоткина?

— Это которая с отравлением?.. Сейчас в реанимации промывание ей делают. Она уж в себя пришла.

— Ой, счастье какое! К ней можно?

— Да вы что, женщина! Хорошо, если дня через три пустят, да и то когда в общую палату переведут. Хотя, вряд ли — карантин сейчас в больнице из-за гриппа. Вы кем же ей доводитеесь — сестра, что ли?

— Подруга...

— Это хорошо, а то мы думали, что у неё нет никого, — недоверчиво и сонно отозвалась дежурная.

— А коляску ей можно привезти? — спросила Вера. — Она ведь инвалид!

— Неужто в больнице каталок нет? Обижаете! Вот вам наш номер телефона — звоните. Когда будут выписывать — тогда и приезжайте.

Из больницы Вера возвращалась более или менее успокоенной, а дома загрустила, потому что показалось в квартире сыро, холодно и необыкновенно одиноко. Даже позвонить некому. Весь вечер смотрела на телефон, а он весь вечер молчал. Кое-как улеглась спать, а утром сообщила на работу об Ане и попросила не передавать её другой хожалке.

— Она по-прежнему за тобой числится, не волнуйся! — обнадежила начальница отдела, видимо, всё уже знавшая.

Каждый день Вера звонила в больницу, узнавала о самочувствии Ани, а сама она так и не отозвалась. На четвёртый день Вере позвонила незнакомая женщина и торопливо спросила:

— Вы — Чумакова?

— Она самая...

— Вам из больницы звонят... Я медсестра Ани Федоткиной. Она просила вас приехать. Но к ней самой нельзя, зато под окошком постоять не возбраняется. Лежит она в терапевтическом корпусе на втором этаже, третье окно слева, напротив центрального входа в больницу. Будет ждать в час дня.

— Спасибо, обязательно буду! Что можно ей передать?

— Ничего. В больнице карантин из-за гриппа.

— И цветы нельзя? Ведь праздник был — Восьмое марта!

— Ни-че-го! — по слогам сказала медсестра, как отрезала.

Посетив до обеда двух клиентов, Вера в обед прибежала в больницу и заняла пост у третьего окна, но никого не увидела. Даже хотела швырнуть снежком, но вскоре выглянула Аня — бледная, осунувшаяся, но радостно блестящая глазами. Очень хотела и пыталась что-то сказать, едва дотягиваясь подбородком до подоконника, но разве поговоришь по-настоящему через двойные рамы? Минуту или две Аня подавала непонятные знаки, а потом показала лист бумаги. На нём крупно было написано: “ПРОСТИ”. Вера замахала, нахмурилась, мол, ладно, не за что прощать-то, а самой сделалось невозможно радостно оттого, что Аня оттаяла и больше не сердится. Вот молодец-то! Когда она начала подавать знаки, что, мол, пора прощаться, Вера, хочешь не хочешь, сдалась. Помахала в ответ, показала жестом, чтобы звонила и, невольно оглядываясь, пошла к выходу.

Затуманившись радостным возбуждением, она месила талый снег на разбитом оттепелью тротуаре и не сразу поняла от навалившихся чувств, что витрины, сами здания, сквер за перекрёстком — всё вокруг затопило тёпкое солнышко, блестящее в отдалении золотом церковного купола. Вера залюбовалась удивившим её свечением и поняла, что пришла настоящая весна, и самое плохое осталось в холодной и, казалось, нескончаемо долгой зиме. Это трепетное ощущение новизны обновления помогло по-иному посмотреть на всё, что произошло недавно, что растрогало сейчас и заставило окончательно забыть тревоги последних дней. “Теперь и тужить не о чем! — решила Вера и, запоздало расплескавшись слезами радости, вновь вспомнила подругу, шмыгнула носом. — Какая же всё-таки Анька вредная — настоящая коза!”

ВЕСЕЛА ТРАВА ПАСТЕРНАК

РАССКАЗ

В последние годы хозяйство Уласкиных оскудело: из живности остались лишь куры, но и с ними хватало забот. Анастасия Ивановна прежде трудилась бухгалтером в лесничестве, Алексей Петрович — учителем химии. Оба давно вышли на пенсию и кур держали более по привычке. Кормили их по-научному, круглый год пополняя рацион минералами и клетчаткой, используя заготовленные Алексеем Петровичем речные ракушки и веники из крапивы и клевера. Зимой ракушки мелко кололи, веники запаривали или просто развешивали вдоль стен, и куры с необыкновенным удовольствием, до голых прутьев ощипывали зелень. Поэтому и начинали нестись с Рождества — на радость детям, частенько приезжавшим в гости из Москвы и Рязани. Они охотно брали коробку-другую яиц, потому что в городах очень любят именно такие, “деревенские”. Сами же Уласкины их почти не ели, остерегаясь холестерина, нежелательного для пожилых людей. Хотя заботы о холестерине и не угнетали, а вот камни в почках мучили, особенно Анастасию Ивановну. Спасалась она отварами из пастернака. Каждое лето с избытком заготавливала его впрок, благо, что он пышными кустами рос во дворе: сушила вместе с вениками Петровича.

Куры жили у них постоянно, а вот с петухами не везло. Они и от хорьков гибли, и под машины попадали, а на одного даже ястреб-тетеревятник напал по-разбойничьи. На глазах Петровича. Отдыхал он у веранды, и вдруг из-за дерева скользнула серая тень и накрыла петуха... Он тотчас засучил ногами в смертельной судороге, а желтоглазый ястреб, увидев человека, взмыл ввысь, качнув на прощание ветви берёзы, словно и не было его. Потом, когда Петрович ощипывал погибшую птицу, то обнаружил одну-единственную сквозную ранку на шее от ястребиного когтя, через которую, видимо, петух и испустил дух... И куры в очередной раз остались без предводителя...

Из всего городка, наверное, только куры Уласкиных могли подолгу жить вдовами, как на птицефабриках. И если там они на сто процентов подневольные, и для сердечных утех у них не имелось технической возможности, то уласкинские куры несли поражение в любовных правах от стечения житейских обстоятельств. Хозяевам бы завести цыплят и вырастить своих петушков, но им не хотелось на старости лет бегать за цыплятами по двору и огороду, особенно дородной Ивановне. Тем более что куры и без петухов несли у них яйца. Но Анастасия Ивановна всё-таки жалела курочек. Поэтому частенько сидела на низком пенёчке, и хохлатки подбегали к ней, приседали, раскрывшись, и Ивановна легонько терзучила их, словно озорной петушок. Курам от этого — одно удовольствие. Поегозив под рукой хозяйки, они игриво отряхивались, и, если бы могли улыбаться, то улыбались бы во весь свой куриный клюв от перепавшего счастья.

Алексее Петровичу не очень-то нравилось занятие жены.

— Чего ты к ним привязалась?! Ведомость на них составь — вместо зарплаты будешь лохматить! — не выдержав издевательств над курами, однажды насмешливо укорил он.

— Отстань, ты ничего не понимаешь!

Петрович же всё понимал. Поэтому и не связывался с женой. Ведь связь — и она сразу припомнит прошлогоднюю историю, когда он за четвертинку арендовал у соседа молодого петушка, подпустил его к своим курам, а петушок, видно, по неопытности растерялся и норовил сбежать, особенно когда куры начали его нещадно клевать. Их поведение казалось необъяснимым, и Петрович решил, что нужно какое-то время, чтобы петушок и куры привыкли друг к другу, и между ними пробилась искра непобедимого чувства. Он даже привязал петушка за лапку, чтобы тот не убежал и не прятался. И каково же было его удивление вперемежку с досадой, когда к вечеру он обнаружил арендованного “жениха” невинно заклёванным. Хочешь не хочешь, пришлось заплатить соседу двести рублей. С тех пор и взъелась на него Ивановна, укоряя мужа при всяком подходящем случае, особенно когда он вставлял очередное замечание.

— Если ничего не понимаешь, — сердилась она, — так и не подходи к курам! А то желанный выискался?! Петуха принёс! Кто просил, зачем он нужен на зиму глядя?!

— Своих-то цыпят тебе лень завести! А то и молодки были бы, и петушки. Не надо было бы и соседям кланяться! — ворчал в ответ Петрович, хотя и понимал, что резон в словах жены есть, но резон близорукий, без дальновидного взгляда в будущее.

Поэтому Алексею Петровичу и делалось обидно, словно для себя одного старался. За ужином он обычно выпивал рюмку-другую водки, благодарно вспоминая коллегу Менделеева, составившего правильную формулу огненного напитка, но после случая с соседским петухом какое-то время не заикался о профилактике для сердца и сосудов, которую врачи по телевизору советуют выполнять ежедневно. Месяц, наверное, давал встряску организму и невольно подрывал здоровье. Правда, со временем всё наладилось, а история с петухом-наймитом мало-помалу отдалилась. Когда же пришла пора заниматься огородом, то и вовсе обо всём забыли. И о курах в том числе; они как жили вдовами, так и продолжали невинно чаврить. Если только иногда Ивановна вспомнит о них, особенно когда они чуть ли не за подол начинали нахально цепляться, обращая на себя внимание. И это продолжалось бы до бесконечности, если бы не случай.

Однажды Петрович не поверил своим глазам, отдыхая у веранды, когда увидел на двухметровом каменном заборе, отгораживающем двор от улицы, искрящегося на солнце сказочного петуха-богатыря! Окраса он был золотистого, с тёмно-вишнёвыми, почти жуковыми стрелами вдоль спины, переходившими в лиру хвоста длинными перьями изумрудного отлива. А шпоры-то, шпоры — как гнутые гвозди торчат! Не петух, а чудо! Откуда такой только взялся?! А гость походил туда-сюда по ограде, покачивая кустистым гребнем и рубиновыми серьгами, для порядка вытер клюв, показывая привычку к чистоплотности, звучно закукарекал, извещая о своём прибытии колонию притихших кур, испуганно косившихся снизу, словно на хищного ястреба, и тотчас спланировал во двор. Куры — врассыпную, но стоило петуху сделать вид, что он что-то нашёл для них поклевать, и властно закопать, созывая к себе, как все они послушно окружили его, а самые бойкие и озорные сразу раскрылились, заслонив собой всех остальных. Ему же этого только и надо, только за этим, наверное, и спикировал из поднебесья. Одна за другой куры после него отряхивались, а он и не собирался успокаиваться. Едва вспушил последнюю — образовалась новая очередь. Изумлённый Петрович крикнул жене:

— Настя, иди, посмотри: чудо-то какое?!

Не сразу, но Ивановна курносо высунулась из кухни:

— Чего ещё?

— Хочу сказать, что теперь ты осталась без работы!

— Я своё давно отработала!

— Не о том я... Чей-то петух к нам приبلудился, кур щёлкает одну за другой, а ты ничего не знаешь. Глянь, что вытворяет, разбойник!

Анастасия Ивановна вышла на веранду, посмотрела во двор, в котором бесновался пришелец, сказала едко:

— За такого, видно, придётся все пятьсот платить! Тем более что одной породы с нашими. Чей это?

— Откуда же мне знать? Бесплатно достался. Не переживай!

— К соседям сходи.

— Да у них таких красавцев никогда не водилось!

Всё-таки наведаясь Алексей Петрович к одному соседу, другому — ни у кого петух не пропал. А где ещё спросить — неведомо. Городок-то населением не густ, а раскинулся обширно, улиц — несколько десятков. Разве все обойдёшь! Вернулся Уласкин домой и устало доложил жене:

— Придётся гостя на довольствие взять! А там, глядишь, и хозяин найдётся. Не у каждого хватит сил легко отказаться от такого красавца!

Анастасия Ивановна ничего не сказала, лишь вздохнула:

— И с этим чего-нибудь приключится, уж поверь мне.

Так и не понял Алексей Петрович настроения жены, но появлению петуха радовался, словно приятелю, с которым можно поговорить по-свойски.

Петух же к вечеру окончательно освоился с курами, словно давно тайно путался с ними. Теперь же гулял открыто и хозяйки не испугался, когда та принесла корм, а лишь немного отступил. Сам первым к кормушке не подошёл, а, как и положено, позвал вновь обрётённых подруг и, поглядывая по сторонам, строго охранял их. Лишь когда они насытились, торопливо поклевал сам и уверенно повёл кур на насест, словно ходил этой тропой тысячу раз.

Появление петуха удивляло лишь в первые дни. А потом, занятые огородом, Уласкины к нему привыкли, как привыкают ко всякой обычной вещи. Да и петух, почему-то прозванный Ивановной Федышкой, обаркался среди хохлацкого племени, исполнял свою работу привычно, как все петухи, поэтому и первое удивление от его нашествия пропало.

Но вот к концу мая Уласкины управились с огородом, и опять бросилось в глаза поведение Федышки. Из ласкового и заботливого день ото дня он превращался в деспота. И если недавно куры сами к нему липли, то теперь шарахались, но тот всякий раз был неумолим. Скосив оранжевый глаз и нетерпеливо черканув крылом по земле, он тотчас выбирал жертву, и уж ничто не спасало её от крепких лап и крючковатого клюва. Прячась не прячась, убегай не убегай — дальше двора всё равно бежать некуда! — бесполезно. Как железными клещами вцепится: весь гребень в кровь исклюёт и спину изломает. В конце концов, куры начали шарахаться от Федышки; самые пугливые перелетали через забор, и потом их полдня отлавливали во дворах по всей улице; какие похитрее — прятались за штабелем тёса. Одна так и вовсе пропала. Самые же безвольные сидели в тени берёзы: истерзанные, безразличные ко всему, словно ожидали окончательной расправы.

— Ведь говорила тебе, — допекала мужа Ивановна, — как в воду глядела! И этот оказался непутёвым.

Алексей же Петрович не столько обижался на петуха, сколько не мог объяснить его поведение. Понятен был его первоначальный пыл, понятна и последующая размеренная жизнь. А теперь-то что случилось? Несколько дней Петрович мучился догадками, а однажды утром всё понял, когда Федышка, едва выскочив из курятника, побежал к пастернаку и начал клевать листья с такой жаждой, с какой человек дорывается до воды, выйдя из пустыни. “От пастернака буйствует петух! Обьелся весёлой травы, от которой всё петушиное в организме шевелится, вот и гоняется за курами почём зря!” — решил Алексей Петрович.

За завтраком спросил у хозяйки с подковыркой:

— Когда думаешь пастернак-то заготавливать?! А то ничего не останется от него!

— Кому он нужен...

— Не знаю, кому, но Федышка очень пристрастился, похоже — зависимым стал. Только соскакивает с насеста — сразу к твоим кустам! Сама же говорила, что пастернак мужскую силу удваивает! — улыбнулся Алексей Петрович.

— Откуда ему знать?!

— Узнал вот... Опытным путём... Видишь, как на него подействовал!

— На тебя, помню, что-то не очень действовал!

— Так ведь насильно заставляла употреблять!

Ивановна отложила ложку, выбралась из-за стола и — во двор. Вернулась побледневшая:

— Этот зверь почти всё ободрал, на весь год оставил без лекарства. Сегодня же уничтожь его. Смотреть на него не могу более!

Петрович же от такого разговора стало не столько смешно, сколько грустно: и с петухом ему не хотелось расставаться, и терпеть нельзя. Но как такого красавца отправить в суп?! Поэтому несколько дней уклонялся от расправы над Федышкой, к этому времени до стеблей оципаншего кусты пастернака; без весёлой травы петух сделался тихим и неприметным, старался не попадаться на глаза хозяевам, словно знал их зловещую задумку.

Но это ему не помогло. Когда в выходной прибыл младший сын Василий, то перед его отъездом, коротко рассказав историю петуха, Ивановна попросила:

— Сынок, заруби его! От него одни несчастья. Просила отца, да его разве допросишься!

Но и Василий отказался казнить Фёдку.

— К тёще в Коломну завезу! Её курам как раз петух нужен! А пастернак у неё не растёт! — рассмеялся он.

— Вот и правильно. Увези этого разбойника, куда хочешь, лишь бы подальше. А то опять зайвится!

Надо бы, конечно, дождаться вечера, чтобы без шума снять Фёдку с сестра, но Василий спешил с отъездом и, вооружившись старым половником, вместе с отцом начал теснить Фёдку в угол двора. Петух потихоньку отступал, а когда отступать оказалось некуда, взвился перед ловцами, собираясь перемахнуть забор, из-за которого когда-то появился, но не рассчитал и, стукнувший зобом о камни, попытался проскользнуть мимо Василия. Хотя Василий жилистый и ловкий, в отца, но Фёдке удалось увернуться. Правда, сгоряча он не заметил сетку, воткнулся в неё головой и застрял, но сдаваться не собирался. Освобождаясь, отчаянно дёрнулся и напрочь сорвал гребень, залил двор алой кровью; боясь испачкаться, петуха более не пытались ловить. Тем более что Фёдка сам обречённо замер, словно прислушивался к себе, не понимая, что происходит. Пока прислушивался, на глазах сгорбил, распустил крылья и вскоре, навсегда изойдя кровью, повисшей на побледневших серьгах густыми сосульками, покорно повалился на бок. Иванова убежала в дом, чтобы не смотреть на такую страсть.

Закурив, Василий сказал, кивнув на затихшего петуха:

— Отбегался завоеватель... Чего теперь с ним делать-то?

Петрович вздохнул:

— Надо воды вскипятить, чтобы ошпарить да оципать. С собой возьмишь!

Кипятили воду молча, словно для окончательного завершения злодеяния. Когда же Фёдку ошпарили в ведре, то веранда наполнилась душным запахом пера, а само оно легко сошло с петуха, и все увидели, что не такого уж он богатырского сложения, а обычный оципанный кур: длинношей, длинноногий. И сразу сделали вид, что навсегда забыли огненного красавца, недавно владевшего двором. Торопливо собрали сына в дорогу, уложив в машину коробку с яйцами, пакет зелёного лука да банку консервированных огурцов. И о Фёдке вспомнили. Вскоре, покачиваясь в багажнике “Форда”, он ехал в столицу; завернутый в тряпицу и набитый крапивой, Фёдя совсем не чувствовал, как она изнутри жгла его.

После спешного отъезда сына Уласкины не могли говорить друг с другом, да и не осталось для этого слов. Несколько дней отмалчивались, чувствуя обоюдную вину. За это время на кустах пастернака набухли молодые листья, Анастасия Ивановна повеселела, а следом и Алексей Петрович мало-помалу растопил в себе солидарную отчуждённость. Но всё равно почти не вспоминали Фёду: чего уж бередить душу...

Но вскоре всё-таки вспомнили, когда увидели выводок цыплят и пропавшую курицу-наседку рядом с ними. Весь двор оказался усеян светло-коричневыми, пушистыми комочками, будто ранними опятами. Все они кружили вокруг наседки, а та квохтала, не переставая, словно обращала на себя внимание и говорила удивлённой хозяйке, первой заметившей их: “Не видишь разве, что мои детки голодные?!” Анастасия Ивановна сразу отправилась в кухню, мелко покрошила на картонке несколько яиц и понесла во двор. Ничего не сказав, позвала за собой мужа. Алексей Петрович вышел на веранду неохотно, а когда увидел выводок, то широко разудлыбался. Да и было от чего: хотя цыплятки казались крохами и пока без жуковых стрел вдоль спины, но все до одного походили на своего отца.

Поздравляем нашего постоянного автора с 65-летием!